

Глава 23. Тайные помыслы и коварные расчеты

Эту ночь Цинь Вань провел в метаниях. Сон его был прерывистым и тревожным, а ближе к рассвету вновь поднялся сильный жар. Те Сюань так и не сомкнул глаз, до самого утра дежуря у постели больного.

Полотенца на лбу Цинь Ваня сменялись одно за другим, но жар никак не желал отступать. Глаза Те Сюаня покраснели от бессонницы, однако он ничем не мог помочь. Не раз в голову приходила мысль позвать на помощь Янь Нанью, но стоило Те Сюаню вспомнить тяжелый, пронзительный взгляд Янь Цина, как по спине пробежал холодок. К тому же в ушах всё еще звенела последняя фраза Цинь Ваня: «Я всё равно избавлюсь от тебя». От этих слов на душе становилось горько и пусто.

Чувства Те Сюаня смешались в неразпутываемый узел. Глядя на мертвенно-бледное лицо Цинь Ваня и его обескровленные губы, он то задыхался от жалости, то внезапно вспыхивал яростью, желая придушить его прямо здесь, чтобы тот больше не мог творить зло. Сердце металось между жаром и холодом, точно его то бросали в кипящее масло, то окунали в ледяную воду.

Каждый раз, когда Те Сюань протягивал руки к шее Цинь Ваня, перед глазами вставал образ вчерашней ночи: Цинь Вань на палубе, овеваемый ветром, прекрасный и отрешенный, точно небожитель. И Те Сюань бессильно опускал руку. Стоило ему вспомнить удушающую хватку на собственной шее, как он невольно отстранялся.

В конце концов Те Сюань прекратил эту пытку. Тщательно выжав свежее полотенце и уложив его на лоб больного, он укутал Цинь Ваня в два тяжелых одеяла, а сам, набросив на плечи верхнюю одежду, забился в угол и мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся он только в полдень.

Хотя на корабле не было глашатаев, солнечный свет, бивший в окно, не оставлял сомнений — время близилось к обеду. Те Сюань протер глаза, громко чихнул и, точно очнувшись от наваждения, бросился к кровати.

Как он и опасался, Цинь Ваня след простыл. Те Сюань с досадой ударил кулаком по ладони. Он не знал, где искать беглеца. Да и что толку? Цинь Вань был упрям и неподатлив, точно камень: сколько ни взывай к его доброте, он и слушать не станет, упорно выбирая путь во тьму. Сколько бы Те Сюань ни проявлял к нему участия, для Цинь Ваня всё это было лишь мимолетным дуновением ветра — пролетело и забылось.

В дверь негромко постучали.

— Те Сюань, пора сходить на берег, — раздался голос Янь Нанью.

Те Сюань откликнулся, поспешно отворил дверь и, наскоро умывшись вчерашней водой, последовал за Янь Нанью к палубе.

— Брат Янь, вы не видели Цинь Ваня? — спросил он, чувствуя себя крайне неловко.

Странно это выглядело со стороны: он враждовал с Цинь Ванем, был им отравлен, сам ударил его ножом — и он же теперь отчаянно пытался его спасти.

Янь Нанью покачал головой:

— Янь Цину ночью нездоровилось, мы встали лишь немногим раньше тебя.

Те Сюань поспешил сменить тему, чтобы скрыть смущение:

— А что же люди из великих школ?

Янь Нанью едва заметно улыбнулся и взял за руку недовольного Янь Цина, который явно пребывал в дурном расположении духа:

— Все они ждут тебя снаружи.

Те Сюань оторопел:

— Ждут меня? Зачем?

Поднявшись на палубу, он и впрямь застыл в изумлении. Представители различных сект и кланов, казалось, стояли здесь уже вечность. На многих лицах читалось нескрываемое нетерпение.

— Брат Янь, почему они вдруг стали такими вежливыми? — прошептал Те Сюань, кожей чувствуя, как на него устремились десятки взглядов.

— Потому что ты один, а их много, — вполголоса ответил Янь Нанью. — Не могут поделить...

Те Сюань окончательно растерялся. Он никак не мог взять в толк, почему безвестный кузнец вдруг стал центром всеобщего внимания.

Раньше та же школа Эмэй не церемонилась, а теперь их словно подменили. Ученики одаривали Те Сюаня благожелательными улыбками, и даже Цзи Сяньэр выдавила из себя подобие приветствия.

Цинь Ваня среди них не было. Те Сюань невольно обвел взглядом палубу, ища его фигуру, и почувствовал легкий укол разочарования.

— Не беспокойся, — Янь Нанью, казалось, сдерживал смех. — Мазь, которую я дал вчера, хоть и жгучая, но действует отменно. К тому же твой удар был нанесен... скажем так, не слишком профессионально.

Те Сюань густо покраснел. Но стоило ему заметить, как помрачнел Янь Цин, он тут же отвел глаза.

— Когда выдастся свободная минутка, я расскажу тебе об акупунктурных точках и о том, как наносить смертельные раны, — продолжил Янь Нанью полусерьезно-полушутливо. Те Сюань готов был сквозь землю провалиться от стыда.

Внимание великих школ тяготило его. Все смотрели на него, точно на лакомый кусок. К счастью, среди этой толпы нашелся хоть один человек, с которым Те Сюань мог говорить без опаски — У Тяньдэ.

Старший ученик легко взлетел на палубу прямо с берега. Он приветствовал собравшихся, сложив ладони. Его серо-голубое одеяние сияло чистотой, а облик был настолько ослепителен, что многие ученицы сект, ожидавшие распоряжений, залились румянцем.

— Достопочтенные герои! Господин Цинь уже распорядился в отеле «Приют вечного спокойствия», прошу вас всех остановиться там. Глава Ян прибудет самое позднее завтра, — зычно объявил У Тяньдэ. В его голосе звучала непоколебимая праведность — настоящий герой, как ни посмотри.

Те Сюань невольно позавидовал ему. Интересно, настанет ли день, когда и он сможет держаться так же уверенно и гордо?

— Быть героем — самое неблагодарное дело, — внезапно подал голос Янь Цин. Те Сюань оглянулся. Выражение лица Янь Цина стало спокойным, безумие отступило, а в голосе слышалось глубокое понимание сути вещей. — Кроме красивого фасада, в этом ничего нет.

Те Сюань что-то невнятно буркнул, ощущая странный холодок в ладонях. Янь Цин не был похож на Янь Нанью, от которого веяло весенним теплом. От него исходила мрачная, почти зловещая аура. И хотя его слова звучали разумно, Те Сюаню было не по себе от того, что этот человек видит его насквозь.

— Старший брат-наставник, а где поселят этого простака? С кем он будет жить? — Цзи Сяньэр, задавая вопрос, обернулась к Те Сюаню с улыбкой, которую сама, вероятно, считала любезной.

Те Сюань поспешно спрятался за спину Янь Нанью. Теперь он боялся красивых женщин.

Стоило ему лишь пару раз взглянуть на эту Сяньэр, как вскоре погиб Тысячерукий Будда, а следом за ним — Лянь Цинъюнь. И пусть убийцей была не она, Те Сюань свято верил: это из-за нее он накликал на себя беду.

Кузнецы всегда верили в судьбу. Получится ли выковать великий клинок — предрешиено свыше. Тот, кто пытается идти против воли небес, платит страшную цену. Кто-то лишается руки, кто-то закаляет сталь собственной кровью... У меча есть душа. Если тебе суждено его создать — создашь, а если нет, то хоть всю душу изведи — толку не будет. Вот и сейчас Те Сюань мечтал лишь об одном: оказаться как можно дальше от этой женщины.

У Тяньдэ усмехнулся:

— Те Сюань и герой Янь поселятся вместе. Моя комната будет по соседству. Так никому не придется беспокоиться, что какая-либо из школ нарушит уговор и попытается навредить нашему гостю. Идет?

Те Сюань теперь замечал каждую мелочь. Он видел, как на лицах «праведных героев» отразилось разочарование при словах о таком соседстве. Пусть он сам не понимал ценности карты сокровищ, он ясно осознавал: эти люди не желают ему добра.

Сокровища! Кто не соблазнится ими? Даже самому Те Сюаню до смерти хотелось узнать, где скрыт этот легендарный клад и как он выглядит.

Цзи Сяньэр была недовольна решением У Тяньдэ, но понимала: даже Эмэй не потянет игру в одиночку против всех. Всем было известно, что ключом к тайне владеет глава Тай-и Ян Муянь. Без него Те Сюань — лишь бесполезный груз. Главы школ, хоть и сохраняли достоинство, отсиживаясь в своих резиденциях, на деле непрестанно слали указания ученикам, сгорая от жажды обладания кладом.

Не только Эмэй — все школы стягивали силы. Людей становилось всё больше. Лишь Шаолинь, ко всеобщему удивлению, прислал одного-единственного молодого монаха. Несведущие люди могли решить, что Шаолинь выше мирских соблазнов, но те, кто узнал этого юношу, преисполнились трепета. Перед ними был не просто послушник, а Минкун — последний ученик трех великих старейшин Зала Дисциплины.

Минкун был плоть от плоти своих наставников: беспристрастен и суров, точно высечен из камня. Его внешнее мастерство достигло совершенства — сухая, жилистая фигура, выдающиеся виски и взгляд, холодный, как застоялая вода, заставляли окружающих держаться на почтительном расстоянии.

Раз даже Шаолинь прислал такого бойца, что говорить об остальных? От Удана прибыл Чжан Ци, любимый ученик самого Чжан Ханьшаня, от Куньлуна — У Юйнинь, самый хитрый и искусный в боевых искусствах среди своего поколения...

Каждый мечтал заполучить Те Сюаня — ключ к сокровищам. Если не выйдет забрать его себе, то хотя бы втереться в доверие к нему или к Ян Муяню, чтобы при дележе добычи обеспечить своей школе лучший кусок.

Эмэй поначалу имела преимущество, но, не зная, кто перед ними, они успели нанести Те Сюаню обиду, и загладить этот конфликт было непросто. Другие же школы пока выжидали удобного момента для сближения.

Цзи Сяньэр, несмотря на всеобщее обожание, чувствовала, как в душе нарастает тревога.

***

Наконец все сошли на берег.

Там их уже поджидали люди в черном и десяток повозок. Лицо предводителя черных стражей показалось Те Сюаню знакомым. Он присмотрелся. Страж почувствовал на себе взгляд и обернулся, встретившись с ним глазами.

Те Сюань замер, его прошибла легкая дрожь.

— Что случилось? — Янь Нанью, уже устроивший Янь Цина в карете, обернулся к застывшему кузнецу.

— Ничего, — дрожащим голосом ответил Те Сюань. Он стремительно юркнул в экипаж и, опомнившись, обнаружил себя сидящим бок о бок с Янь Цином.

— Каков на вкус этот коктейль из любви и ненависти? — Янь Цин, подперев голову рукой и полулежа на мягких подушках, задал этот вопрос, даже не открывая глаз.

Те Сюаню стало по-настоящему жутко. Этот человек обладал пугающей способностью проникать в самые сокровенные уголки чужой души. Чувство было из разряда тех, что лишают покоя.

— О чем вы? — стоило Янь Нанью войти в карету, как Те Сюань почувствовал, что напряжение спадает. Взглянув на Янь Цина снова, он не заметил ничего необычного: тот лишь капризно надул губы, будто всё еще злился из-за вчерашнего.

Янь Нанью решил, что они просто перебрасываются словами, и, не стесняясь Те Сюаня, уселся рядом с Янь Цином, обняв его. Тот для вида немного поворчал, но быстро успокоился, доверчиво прижавшись к спутнику.

Те Сюань поспешно отвернулся. Казалось бы, пора привыкнуть, но всякий раз эта близость

заставляла его чувствовать себя не в своей тарелке. К Янь Нанью он не испытывал неприязни — тот хоть и казался холодным, на деле был полон нежности. Но Янь Цин... этот человек определенно не был так прост.

Где-то в глубине души Те Сюань даже начал тревожиться за Янь Нанью. Был ли Янь Цин безумен на самом деле? И не причинит ли он вреда тому, кто так преданно его любит?

Когда все расселись по каретам, люди в черном выкрикнули приказ трогаться. Те Сюань старался ни на что не смотреть, сосредоточившись на собственных мыслях и пытаясь игнорировать парочку, сидевшую к нему вплотную.

Но Янь Цин словно делал всё нарочно: то ластился к Янь Нанью, то капризно отталкивал его. Те Сюань покрывался холодным потом, втайне поражаясь терпению Янь Нанью. Впрочем, это лишь подтверждало, что Янь Цин действительно не в своем уме, а его давешние пронизательные замечания — всего лишь плод больного воображения.

Путь от пристани до «Приюта вечного спокойствия» был недолог, однако внушительная кавалькада вызвала на улицах переполох. Толпы зевак сбегались посмотреть на диковинное зрелище, из-за чего движение замедлилось.

И всё же не прошло и часа, как повозки остановились перед отелем.

Над входом в «Приют вечного спокойствия» гордо реяло знамя с золотой каймой — заведение выглядело по-настоящему роскошно. Вдоль дорожки, ведущей к дверям, выстроились ряды аккуратных кадок с растениями, была расстелена красная ковровая дорожка, а повсюду висели праздничные алые ленты и шелка.

Те Сюань смотрел на это великолепие с полным непониманием, пока не услышал голос того самого стража снаружи:

— Благородные герои, прошу вас, выходите из карет.

Это был тот самый человек, что возглавлял погоню за ним у заставы возле родной деревни. Стоило Те Сюаню увидеть его, как в памяти всплыло то страшное мгновение, когда Цинь Вань заставил мастера Те совершить жертвоприношение клинку. Боль полоснула по сердцу, точно острый нож.

Янь Нанью почувствовал это смятение. Он мягко сжал плечо юноши:

— Те Сюань, отпустить прошлое всегда непросто. Но слушай свое сердце. Поступай так, как оно велит.

Те Сюань вспомнил слова Тысячерукого Будды о том, что месть лишь порождает новую месть.

Вспомнил он и о его несбывшейся мечте увидеть Янь Нанью перед смертью... Жизнь полна того, что невозможно получить, и того, что уже не вернуть. И с этим придется жить.

<http://bllate.org/book/17419/1659056>